

Данис Гараев

Ответ на критику статьи «Поворот к исламу: практики ношения хиджаба в современной Казани»

Данис Гараев. Адрес для переписки: Казанский федеральный университет, кафедра прикладной политологии, ул. Кремлевская, 4, Казань, 420008, Россия. danis.garaev@gmail.com.

В своей рецензии Марина Кашина уделила много внимания моей статье «Поворот к исламу: практики ношения хиджаба в современной Казани». Я полагаю, что ее претензии к статье имеют скорее идеологический, нежели научный характер, поэтому считаю необходимым пояснить свою позицию.

Действительно, вопрос правомерности использования категорий исламского феминизма при изучении исламского сообщества является дискуссионным. По этой причине в своей работе я ни разу не пытался придать изучаемым мусульманкам какую-то четкую идеологическую ориентацию. С каким явлением мы сталкиваемся, когда речь идет о современных мусульманках в Казани? Исламский феминизм, исламский активизм или неотрадиционализм? Это тема отдельного исследования, отдельной статьи.

Марине Кашиной представляется странным наличие в гендерном (феминистском) сборнике статьи о том, что принятие ислама и ношение хиджаба являются для мусульманок Казани важными социальными ресурсами. Однако, если решение принять ислам и надеть платок было принято самостоятельно как способ выработать свой альтернативный проект существования в современном обществе, то почему для гендерного сборника такая статья может оказаться лишней? Особенно если эмпирический материал позволяет сделать вывод о рефлексивном подходе к своему выбору у этих девушек: ведь они выступают с позиции активных субъектов, совершая свой выбор в пользу ислама (порой вопреки воле родителей и доминирующей культуре).

Тот факт, что одежда (хиджаб, мусульманский платок) выполняет дисциплинирующую функцию, не является особенностью исключительно мусульманского/религиозного сообщества. Нам известно из исследований, посвященных политике тела, что дисциплинирующая функция – свойство любой одежды. Как часть гендерного дисплея она формирует образ человека. Приняв определенный имидж, человек одновременно берет на себя некоторые обязательства, контроль за исполнением которых фактически делегируется обществу. В этом и заключается ее дисциплинирующая функция. Если человек не будет соответствовать тому образу, на который он, через внешний вид, претендует, то признания достигнуть не удастся. Фейс- и дрессконтроль в клубах и ресторанах, представления людей разных групп об одежде как маркере, позволяющем считаться «своим», также являются способами контроля на соответствие норме. Никакой религиозной специфики в этом нет.

По поводу связи религии и «раскрепощения личности» – для меня не совсем ясна

эта последняя категория. Бывает ли личность всегда однозначно «раскрепощена»? Однако, если с точки зрения человека именно ислам (православие, вегетарианство, ЛГБТ-движение) дает ему ощущение освобождения от доминирующей культуры и ее стереотипов, то на каком основании мы можем дискриминировать практику религии в качестве одной из возможных сфер самореализации? Тем более что многочисленные исследования показывают, что в мусульманском мире в последние годы наблюдается тенденция к переосмыслению отношения как к патриархальным системам, так и к доминирующим западным культурным стандартам. Представляется, что в построении своих выводов мы должны исходить из слов респондентов и из полевых наблюдений, а не из собственных изначальных идеологических представлений. Я считаю, что мое исследование как раз вносит вклад в дело разрушения доминирующих стереотипов о практике ислама в современном российском обществе.

Наконец, отмечу, что у меня вызвал некоторое, мягко говоря, удивление, следующий пассаж (его мне даже сложно прокомментировать): *«Для нашей страны, мне кажется, актуальным выступает несколько иной аспект темы [...] . Если говорить конкретно об исламе, то существует известный феномен женщин-смертниц (шахидок)»*. Это мы «Комсомольскую правду» читаем или журнал *Laboratorium*? Какое отношение феномен «шахидок» имеет к исследуемому мною полю в современной Казани – совершенно не ясно. Проблема террористов(/ок)-смертников(/иц) – это совершенно отдельная сложная тема, где религиозный вопрос вообще может играть второстепенную роль. Кроме того, я бы призвал быть осторожнее с такими терминами, как «шахиды», поскольку смысл, который данному термину придают СМИ, и его научное значение сильно отличаются.

В заключение я хотел бы поблагодарить Марину Кашину за ее рецензию, которая позволяет нам еще раз обсудить множество важных вопросов и проблем, касающихся как моего исследования, так и всего сборника.